

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Палладеса Виктора Вячеславовича на тему: «Инвектива в арабском языке», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (арабский).

Рецензируемая диссертация В.В. Палладеса посвящена инвективе в арабском языке. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, заключения, приложений и списка использованной литературы.

Я полностью согласен с отмеченной в работе актуальностью темы. Ещё не слишком давно целью лингвистики считалось в первую очередь полное описание нормативного регистра речи и систематизация этого описания. В этом смысле разговорная речь, диалекты, просторечие, грубая и бранная лексика считались как бы неполноценным предметом исследования. Однако сегодня ситуация поменялась – более того, часто отмечается, что разговорные явления в каком-то смысле информативнее для лингвиста как специалиста по развитию и функционированию языка: разговорные элементы в меньшей степени подвержены сознательному закреплению или, наоборот, изменению, чем литературный язык.

В целом диссертация производит очень хорошее впечатление – текст отражает тот факт, что проведено масштабное исследование. В частности, несмотря на широту материала, автор логично и понятно представляет все свои выводы, каждое утверждение аргументируется и, в тех случаях, когда это возможно, сопровождается ссылками на источники. Композиция работы также ясна, понятны переходы – как на уровне деления на главы, так и между мелкими разделами работы.

Большое уважение вызывает стремление автора учесть материал разных диалектов. Очень часто авторы работ по арабистике выбирают другой путь: либо ориентируются только на один из арабских идиомов – литературный язык либо один из диалектов – либо проводят сопоставление по очень локальной проблеме. Здесь же автору удалось провести сопоставление между диалектами по обширной проблеме, хотя бы на уровне классификации елксем.

Следует отметить, что автор прекрасно владеет литературой и терминологией по своей теме. В силу того, что тема разрабатывается на арабском материале, она требует владения сразу несколькими пластами исследований: а. европейской и американской традицией; б. советской и российской традицией; в. арабской традицией; г. исследованиями по диалектологии. Все эти типы исследований, как и словарные источники, глубоко изучены и проработаны автором.

Весьма ценны прилагаемые к работе материалы с результатами опросов. Они важны не в последнюю очередь в связи с тем, что у арабистики есть тенденция к неучёту новейших данных и реального узуса – в некоторых случаях она как бы ориентируется на идеальный язык или на сильно устаревший материал. Здесь же приводимые данные позволяют проверить данные диссертации. Приложения важны и в ещё одном аспекте: часто единицы языка классифицируют так, как будто оппозиции бранного и небранного,

PK № 33-06-955 от 25.08.2023

разговорного и книжного, диалектного и литературного основываются на чётко заданных границах. Здесь же мы можем наглядно наблюдать тот факт, что на самом деле стилистические и дискурсивные противопоставления являются градуальными, нет стопроцентно чёткого ответа на вопрос “является ли то или иное слово грубым или бранным”.

Методика эксперимента, проводимого автором, не вызывает возражений. Совершенно оправданным представляется решение дать респондентам большой объём информации об условиях коммуникации. Действительно, просто спрашивая, насколько оскорбительно или насколько допустимо то или иное выражение, мы рискуем не учесть сильные различия между носителями, один из которых считает даже безобидные выражения грубыми, а другой, напротив, предполагает, что и бранные слова и выражения допустимы в надлежащем контексте. Поэтому заданные автором параметры позволяют свести эти колебания к минимуму.

Тем не менее, у меня есть некоторые замечания и вопросы к диссертации. Ниже я приступаю к их изложению.

Не вполне очевидно, какова логика того, что оскорбительный узус называется в работе девиантным: относительно чего фиксируется это отклонение. По-видимому, надо уточнить, что эта девиантность – не статистическая, а скорее относительно “правильных” стратегий и тактик общения. Конечно, исследования Грайса, Лича и многих других показывают, что для наибольшей продуктивности коммуникации требуется быть с адресатом вежливым, демонстрировать такое поведение, которое мы бы хотели видеть по отношению к себе и так далее. Однако на практике оказывается, что очень часто эти постулаты нарушаются. При этом данные девиации не являются необъяснимыми, а не в меньшей степени, чем “правильное” общение, имеют под собой основание: например, желание высказать не только релевантную информацию, но и свои эмоции и отношение к собеседнику – здесь эмоциональная составляющая перекрывает соображения продуктивности коммуникации.

Не очевидно, что означает цитируемое автором утверждение, что “объём употребления арабскими пользователями соцсетей оскорбительных выражений имеет тенденцию к росту”. Идёт ли речь о том, что пользователи соцсетей действительно со временем начинают больше ругаться, или просто источников спонтанной некодифицированной речи в интернете становится больше? Ведь второе, несомненно, верно: люди всё больше пишут коротких сообщений, где в концентрированном виде могут выражать свои эмоции, тогда как на предыдущем этапе эволюции интернет-коммуникации речь могла идти, например, о статьях в интернет-изданиях, для которых обценная и вообще грубая лексика в целом нехарактерна.

В некоторых случаях кажется, что неравномерно изучены советские / российские и зарубежные работы по проблематике диссертации. Например, на стр. 10 внимание акцентируется именно на вкладе отечественной школы в описание разновидностей арабского языка – тогда как в перспективе разрабатываемой темы неясно, почему важен именно вклад отечественных лингвистов.

Есть случаи, когда подходы подробно пересказываются автором, однако неясно, какого именно он придерживается, какой считает наиболее полезным. Например, согласен ли автор с тем, что, как предполагает Д. Бусфилд, реализация невежливости появляется только при сознательном нарушении норм вежливости. Как кажется, по крайней мере, словоупотребление не поддерживает эту точку зрения: мы можем сказать, что человек выразился *невежливо*, если он, например, сказал гостю, что тому пора уходить – однако, возможно, он просто беспокоился о том, что гость будет добираться домой в темноте.

Несмотря на длинное введение, не до конца ясен охват слов, который предлагается в работе. Да, очевидно, что слова, не имеющие отношения к конкретным фактическим качествам адресата и при этом относящиеся к сексуальной или другой подобной сфере, должны считаться инвективами. А вот считать ли инвективой высказывание типа ‘All politicians are liars’ (стр. 63)? Конечно, если бы это высказывание слышал один из политиков, оно бы его оскорбило. Однако можно рассматривать его как высказывание о качествах субъекта, которое кажется говорящему верным. При этом никакой сознательной ложной информации это высказывание не несёт. На мой взгляд, если включать такие высказывания в разряд инвектив, есть риск до предела расширить сферу употребления этого понятия: например, инвективами будет считаться высказывание типа ‘Президенты обогащаются за счёт народа’ – опять же, это, несомненно, обидное высказывание, но речь идёт просто об обсуждении некоторых фактов. Вряд ли обсуждение фактов, которые не принято обсуждать напрямую, должно сразу считаться инвективой. На мой взгляд, чтобы исключить такие сомнительные случаи, требовался бы дополнительный критерий: например, что инвектива должна, помимо собственно референциальной информации, описывающей объективные свойства, нести компонент оскорбительности, не быть нейтральной по стилю и оценочности. Как кажется, слово ‘лжец’ – и в русском, и в арабском – этим свойством не характеризуется: оно несёт отрицательную оценку не в силу языковых особенностей, а просто потому, что выражает свойство, в норме оцениваемое отрицательно.

Хотя части, посвящённые трактовке оскорблений в исламском и светском законодательстве, интересны, было бы желательно более чётко описать соотношение юридической трактовки с реальным узусом. Всё-таки законодательная трактовка языка, с одной стороны, слишком однозначна – она не предполагает роли условий конкретного речевого акта, а с другой стороны, уже, чем реальный узус. Тем самым, не слишком ясно, как прописанная в законах трактовка соотносится с реальной трактовкой понятия оскорбления и конкретных единиц носителями языка.

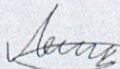
Касательно устройства примеров хотелось бы сказать, что иногда мешает отсутствие русских переводов. Латинские соответствия, как в Табл. 1, полезны, но не всегда достаточны – во-первых, не все латинские выражения могут быть понятны читателю, во-вторых, не все латинские термины допускают только один перевод на русский. Однако в любом случае в тексте работы также следовало бы указывать переводы – иначе получается, что для понимания семантической группы, о которой идёт речь, нужно, как на стр. 61, всё время возвращаться к таблице. Точно так же не всегда достаточно английских переводов: если автор, без сомнения, владеет всей необходимой лексикой и тонкими различиями между английскими инвективными словами и выражениями, это верно не для каждого носителя русского языка.

В целом можно сказать, что большинство замечаний носит дискуссионный характер. Они не снижают качества диссертации – как в части процедуры эксперимента, так и в части результатов.

Диссертация Палладеса Виктора Вячеславовича на тему: «Инвектива в арабском языке» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Палладес Виктор Вячеславович заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (арабский). Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета

Д. филол. н., профессор НИУ ВШЭ

Летучий Александр Борисович